

ОТЗЫВ

Официального оппонента доктора философских наук А.В. Малинова о диссертации Николая Сергеевича Чижкова «Философские идеи Н.М. Карамзина: становление, сущность и их оценка в истории русской мысли», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии

Актуальность избранной темы. Диссертационное исследование Николая Сергеевича Чижкова посвящено философским идеям Николая Михайловича Карамзина. В строгом смысле Н.М. Карамзин не был философом, поэтому, вероятно, диссертант деликатно говорит об «идеях», прекрасно понимая, что Н.М. Карамзин не оставил какого-либо внятного философского учения. Н.М. Карамзина нельзя отнести к забытым или мало изученным деятелям русской культуры. Тысяче страницая антология отечественных исследований о Н.М. Карамзине, к которой постоянно отсылает диссертант, лучшее тому подтверждение. Та же самая антология прекрасно иллюстрирует, насколько различаются восприятие и оценки Н.М. Карамзина учеными разных поколений и направлений. Можно сказать, что для каждого поколения существует свой Н.М. Карамзин. Николай Сергеевич в некотором смысле тоже присоединяется к этой традиции осмысления Н.М. Карамзина, актуализируя наследие первого русского историографа. Конечно, главным произведением Н.М. Карамзина стала двенадцатитомная «История государства Российского», над которой он работал около четверти века. Однако первоначально он заявил о себе как писатель, став крупнейшим представителем сентиментализма в русской литературе. Эта связь литературного творчества с исследовательской работой очень важна для понимания вклада Н.М. Карамзина в отечественную науку и культуру, поскольку он показал, какое значение имеет язык для социо-гуманитарного знания. Н.М. Карамзин фактически продемонстрировал, насколько гуманитарная наука, в частности, историография, укоренена в языке, что язык является главным средством познания прошлого. Работа Н.М. Карамзина в русском языке и над русским языком не менее важна, чем привнесенные им в русскую литературу сентиментальные образы или выявленные исторические факты. Он во многом сформировал основы отечественного исторического нарратива, господствовавшего в исторической науке вплоть до В.О. Ключевского. Предложенная им схема и периодизация русского исторического процесса, неоднократно оспаривавшаяся, господствовала в отечественной историографии до тех пор, пока окончательно не была вытеснена марксистским схематизмом.

Достоверность и новизна исследования. Результаты исследования имеют достоверный характер: они основываются на строгом историко-философском анализе; опираются на широкий круг источников; подтверждаются авторитетными критическими оценками. Автором достаточно полно проведена реконструкция философских идей Н.М. Карамзина, показано их становление, раскрыта сущность и приведены их оценки в истории русской мысли. Представляет научный интерес раскрытие понимания Н.М. Карамзиным понятия свободы и переосмысление соотношения в философии Н.М. Карамзина консервативных и либеральных элементов.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, представляется высокой, что обусловлено четкой определенностью методологии исследования; привлечением широкого круга источников по заявленной теме; ссылками на авторитетные в научном сообществе мнения; соблюдаемой логикой изложения; корректным построением умозаключений.

Значимость для науки и практики. Материалы, содержащиеся в исследовании, могут быть использованы при составлении учебных курсов по философским, историко-культурным, историко-литературным, культурологическим дисциплинам в высших учебных заведениях. Полученные автором теоретические результаты следует охарактеризовать как приращение историко-философского знания, поскольку творчество Н.М. Карамзина рассмотрено им с философской стороны, раскрыто влияние немецкой и французской просветительской философии, показана рецепция взглядов Н.М. Карамзина в последующей русской мысли.

Конкретные рекомендации по использованию результатов и выводов диссертации. Результаты и выводы диссертации могут стать основой для дальнейшей научной работы диссертанта, поскольку имеют отношение к широкому проблемному полю, разработка которого является актуальной для современной российской истории философии.

Общее содержание диссертации. Диссертация имеет четкую структуру, состоит из трех глав, первая из которых посвящена биографии Н.М. Карамзина и раскрывает основные влияния, которые он испытал по ходу формирования своего философского мировоззрения. С большей или меньшей степенью подробности проводится сравнение взглядов Н.М. Карамзина с идеями Ш.Л. Монтескье, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Гердера, И.Г. Лафотера и тем самым показывается их воздействие на самого Николая Михайловича. Отмечается, что Н.М. Карамзин в большей степени ориентировался ни

идеи немецкого, а не французского Просвещения. Проводится сравнение политической программы Н.М. Карамзина с проектами реформ М.М. Сперанского и взглядами П.А. Вяземского.

Во второй главе, несущей основную содержательную нагрузку диссертации, рассматривается социальная и политическая философия Н.М. Карамзина, воспроизводятся его рассуждения о роли монархии в государстве, о соотношении свободы и закона, политической свободы и порядка, о двух видах законов (реальном и нравственном), раскрывается содержание общественного идеала Н.М. Карамзина, сочетающего личное нравственное совершенствование с эволюционным путем социального развития, необходимым для формирования суверенного государства; отмечается противоречивое соединение либеральных и консервативных элементов его мировоззрения, а именно, принципа личного достоинства и следования традиции; аргументированно излагается отношение Н.М. Карамзина к крепостному праву; указывается и на апелляцию Н.М. Карамзина к воле Провидения, характерную для его философии русской истории. Особое внимание диссертант уделяет принципу свободы, который Н.М. Карамзин «понимает в первую очередь как возможность для человека жить в соответствии со своими наклонностями, то есть в соответствии с исторически сформировавшимся народным духом. При этом Карамзин подчёркивает, что это не подчинение некой внешней традиции, а самореализация, которую осуществляет человек в условиях общности представлений и убеждений. В силу единства убеждений наклонностей людей, а это единство есть признак наличия народного духа, этот процесс самореализации должен происходить бесконфликтно. Но конфликты в реальной жизни неизбежны, важно, чтобы они не приводили к нарушению порядка и спокойной жизни общества. Наличие конфликта, приводящего к беспорядку, есть первый и главный признак несвободы. Таким образом, для Карамзина свобода и порядок тесно связаны, существовать друг без друга они не могут. Друг без друга каждый из них превращается в свою противоположность: свобода без порядка превращается в несвободу, а порядок без свободы – в принуждение и насилие» (с. 83). Н.М. Карамзин не отрицал необходимость изменений в обществе и государстве, полагая лишь, что они не должны сводиться к заимствованиям, к бездумному переносу чужого исторического и социального опыта на русскую почву, а согласовываться с уже сложившейся традицией. По словам Н.С. Чижкова: «Подлинные преобразования, по Карамзину, возможны только посредством естественного хода истории народа и совершенствования нравственности людей. Крепкое единое государство – залог успеха в поступательном движении любого народа. Что же касается России, то

монархия является не просто её выбором, а историческим выбором, отражающим дух народа. Поэтому именно монархия является в России гарантом спокойного существования и свободы, а также примером нравственного служения» (с. 92). В тоже время диссертант справедливо отмечает, что Н.М. Карамзин, оценивая монархию как преходящую форму правления, «предполагал в конечном счёте переход России к республиканской форме правления» (с. 92).

Третья глава – историографическая. В ней дается изложение основных подходов к оценке творчества Н.М. Карамзина. Причем историография рассматриваются как в хронологическом измерении (от дореволюционной эпохи к современности), так и по направлениям: критико-идеологическое, апологетическое, имманентная критика. В чем-то третья глава дублирует один из разделов диссертационного введения – «Степень разработанности», в чем-то его существенно дополняет и расширяет. Историографическая глава уже является своеобразным выведением из самого исследования, раскрывая наследие Н.М. Карамзина в контексте взглядов и отношений к нему мыслителей разных эпох и поколений. Правда, эта глава страдает заметными повторами, поскольку одна и та же мысль, излагающая точку зрения Н.М. Карамзина, нередко сначала воспроизводится диссертантом в первой и особенно во второй главе, а потом повторяется в формулировках исследователей и критиков Н.М. Карамзина, о которых речь идет в третьей главе. В этом отношении описательность, которая допустима в первых двух главах, в последней главе становится избыточной. Богатая историография, которой обросли жизнь и творчество Н.М. Карамзина, вполне позволяет избежать повторов, если сосредоточиться не на пересказе чужих точек зрения, а на их анализе и критике, выявляющей сильные и слабые стороны существующих интерпретаций и подходов, указывающей на ограниченность одних взглядов и на перспективность других.

Достоинства и недостатки диссертационного исследования. Надо признаться, что в существующей историографии Н.М. Карамзин в основном рассматривается как писатель, историк и политический мыслитель, но не как философ. Николай Сергеевич в своем исследовании тоже ничего не прибавляет к этим оценкам наследия русского историографа и литератора. И хотя в заглавие диссертации вынесены «философские идеи Н.М. Карамзина», содержательно в тексте работы речь идет о его политических взглядах (на конституцию, государственное устройство, отношение к монархии и крепостному праву и т.п.). Пожалуй, главной проблемой философского мировоззрения Н.М. Карамзина в диссертации обозначена дилемма между приоритетом личностного развития и установлениями институтов, меняющих жизнь общества и влияющих на личность.

Вероятно, и в этих взглядах можно увидеть их философские основания, но для этого требуется рассматривать их в более широком интеллектуальном, культурном, социальном и философском контекстах. Отчасти эту задачу решает сравнение позиции Н.М. Карамзина с учениями европейских просветителей, которое вскрывает основные направления идейных заимствований. Однако такое сопоставление показывает, насколько Н.М. Карамзин был зависим от чужих взглядов и не оригинален даже в своем несогласии с некоторыми положениями чужих учений. Даже если мы размываем философское мышление (категориальное, ответственное, дедуктивное) в широко артикулированном «взгляде», необходимо помнить, что этот взгляд должен быть самостоятельным. Конечно, для XVIII в., к которому принадлежал Н.М. Карамзин, характерно как раз ученичество перед Западом, подражание и заимствования. Но надо видеть и понимать культурно-историческую динамику русского XVIII в. Начинаясь с заимствований, XVIII столетие как культурно-историческая эпоха, разрешается формированием национальной культуры, национального сознания и новой идентичности (опять же национальной вместо религиозной). Обратите внимание, что из всех столетий русской истории, только XVIII в. выделяется в самостоятельную эпоху, которая завершается патриотическим подъемом 1812 г. или даже событиями декабря 1825 г. Н.М. Карамзин, таким образом, охватив в своей жизни четыре правления, полностью принадлежит XVIII столетию. И его роль в этих процессах также была очень существенной, чем и определяется его значение, если и не в истории русской философии, то в истории русской литературы и общественной мысли. Критика европеизма начала нарастать в русской культуре с последней трети XVIII в. (спор о татарских нравах (1768), «Антидот» (1769), полемика И.Н. Болтина против французских историков и М.М. Щербатова, русская сатира (Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин), русская драматургия («Из жизни Рюрика» Екатерины II, «Вадим Новгородский» Я.Б. Княжнина), статьи П.А. Плавильщикова и др.). Становление мировоззрения и творческие начинания Н.М. Карамзина как раз приходились на эти годы. С этой стороны, для понимания «философских взглядов» Н.М. Карамзина особое значение имеют его две ранние повести «Наталья, боярская дочь» и «Лиодор», а не «Марфа-посадница или покорение Новагорода», которая лишь иллюстрирует его политические предпочтения. Критика европеизма (европейских нравов, европейской истории), все более заявляющая себя в русской культуре, во многом объясняет, почему Н.М. Карамзин обратился к изучению русской истории.

Истоки представлений о личности и необходимости ее нравственного совершенствования Николай Сергеевич справедливо видит в увлечении Н.М. Карамзина

масонством. Опять же в этих рассуждениях Н.М. Карамзина нет ничего самостоятельного, что отличало бы его от других его современников, например, масона Н.И. Новикова или сектанта Г.С. Сковороды. Здесь и на масонство надо смотреть шире, как на проявление внецерковной религиозности, одной из форм которой стало русское сектантство, расцвет которого как раз приходится на XVIII в. Представления о личности Н.М. Карамзина не только отсылают к его увлечению масонством, которое, как указывает диссертант было не продолжительным, но и на особенности религиозного сознания самого Н.М. Карамзина. Из этих убеждений Н.М. Карамзина вытекала и моральная интерпретация истории, характерная для его главного исторического труда, попытка рассматривать исторические события в качестве результата деятельности порочных или добродетельных личностей. В этом Н.М. Карамзин следовал за М.М. Щербатовым, что неоднократно отмечалось в историографии. Так же, как и М.М. Щербатов, который в свою очередь ссылаясь на Д. Юма, Н.М. Карамзин стремился к установлению причинно-следственных связей в истории, хотя и искал такие причины в психологии исторических личностей. Диссертации явно не достаёт указания на тот ближайших контекст, в котором формировались и раскрывались взгляды Н.М. Карамзина. Рассматриваемые сюжеты как-то выпадают из русского XVIII в. Диссертант увлекается сравнением «философских идей» Н.М. Карамзина со взглядами немецких и французских просветителей и не замечает совпадений с высказываниями его старших современников, которые также могли повлиять на русского историографа, причем повлиять ближайшим образом. Например, касаясь принципов географического детерминизма Ш.Л. Монтескье, Николай Сергеевич пишет: «Из этих идей Монтескье Карамзин впоследствии вывел, что страна, имеющая столь огромную территорию и суровый климат, как Россия, может функционировать только во главе с монархом» (с. 42). Почти буквальное рассуждение можно встретить и у В.Н. Татищева, что, вероятно, указывает на расхожесть для того времени подобного географического обоснования монархии. Или мнение Н.М. Карамзина о просвещенном разуме, которые Н.С. Чижков воспроизводит на с. 39, имеют явные совпадения с высказываниями В.Н. Татищева и Г.Н. Теплова, что опять же говорит об их распространенности. В качестве одной из важных «философских идей» Н.М. Карамзина в диссертации названо различие двух видов закона: реального и нравственного, которое явно взято им из естественного права, точнее из теории статусов (*status naturalis* и *status civilis*), в одном из которых действуют естественные законы, а в другом – законы нормативные. Естественное-правовая доктрина в XVIII в. выступала универсальным основанием для всех социальных наук и во многом способствовала изменениям в историографии, которые в полной мере воплотила «История государства Российского»

Н.М. Карамзина, но диссертант умудряется не заметить ее в качестве основы уже философского мировоззрения русского историка.

Эпоха, к которой принадлежит творчество Н.М. Карамзина, в диссертации справедливо обозначается как Просвещение. Однако содержание самого Просвещения, тем более его русского извода представлено в тексте диссертации крайне скупо, в самых общих выражениях. Например, Николай Сергеевич пишет: «Основной задачей Просвещения было прийти рациональным путём к основополагающим принципам человеческой жизни: естественной религии, естественному праву и разумному устройству общества. Необходимо было не просто найти эти принципы и обосновать их, но и соответствующим образом преобразовать общество и человека» (с. 96). В качестве главных ценностей Просвещения в диссертации указываются свобода, равенство граждан, главенство закона (с. 73 и др.), что, точнее, следовало бы отнести к политической программе Просвещения, а не к его характеристике. Принято считать, что Просвещение, как общеевропейское интеллектуальное и культурное движение берет начало во Франции во второй четверти XVIII в., а его завершением является Великая французская революция. Россия в этом отношении лишь воспринимает идеи европейского Просвещения, хотя в отечественной историографии сложилась парадоксальная ситуация, когда просветителями оказывались и Семион Полоцкий с Сильвестром Медведевым, и Н.Г. Чернышевский с Н.А. Добролюбовым. Все-таки русское Просвещение требует большей содержательной и хронологической конкретизации. Так, помимо культа разума, включающего в том числе интерес к разного рода заблуждениям, т. е. окольным, блуждающим путям к истине, необходимо указать на секуляризацию (и в узком смысле изъятия церковных земель, и в широком смысле становления светской культуры); эмансипацию культуры и общества от государства; смысловой приоритет современности (это хорошо видно по изменениям направленности исторических исследований). Последним, в частности, объясняется и моральная интерпретация Н.М. Карамзиным истории. Ведь моральное значение история может иметь только для современности. Нравоучительность истории приводит историка к необходимости судить прошлое и своим приговором утверждать справедливое, т. е. тот самый нравственный закон, на который указывает диссертант. Все-таки понимание специфики русского Просвещения позволило бы выявить аксиоматику Н.М. Карамзина и раскрыть базовые метафоры, в пределах которых движется его мысль, что, в свою очередь, дало бы возможность избежать описательности и упрощающего схематизма, объясняющего взгляды Н.М. Карамзина либо влиянием немецкого, либо французского Просвещения, и сделать диссертацию более эвристичной.

Издание собрания сочинений Н.М. Карамзина и антологий, прежде всего, конечно, «Карамзин pro et contra» (2006), значительно упростило задачу Николаю Сергеевичу. Однако антология является хорошим подспорьем для начала исследования, но ей не стоило ограничиваться, потому что любая антология лимитирована (предпочтения составителя, допустимый издательский объем и т.п.). В результате те исследования творчества Н.М. Карамзина, которые не попали в антологию оказались и за пределом диссертации. В антологии 2006 г., например, плохо представлены оценки Н.М. Карамзина в русской исторической науке, вообще, на мой взгляд, наиболее адекватные. По крайней мере, в контексте диссертации Николаю Сергеевичу стоило бы обратить внимание на монографию М.А. Алпатова «Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.)» (1985). Книга замечательного историка русской литературы Ю.В. Стенника «Идея “древней” и “новой” России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII– начала XIX в.» (2004) позволила бы Николаю Сергеевичу лучше понять те тенденции в русской литературе и культуре, которые сказались в творчестве Н.М. Карамзина. В списке литературы указана одна статья Ю.В. Стенника, но следов знакомства с ней в диссертации я не заметил. За пределами антологии и, соответственно, диссертации оказалась и позднеславянофильская рефлексия о Н.М. Карамзине, довольно разнообразная и авторитетная по своим оценкам (от К.Н. Бестужева-Рюмина, у которого, по его собственному выражению был «культ Карамзина», до пристрастной критики О.Ф. Миллера, который видел в работах Н.М. Карамзина истоки националистической идеологии). Среди современных исследований о Н.М. Карамзине диссертант выделяет совместную работу Д.В. Ермашова и А.А. Ширинянца и публикации А.Ю. Минакова и В.А. Китаева, но излагает помечу-то только первую из них.

Литература о Н.М. Карамзине обширна, причем первенство здесь явно принадлежит филологам и литературоведам, которых не всегда интересуют «философские идеи» Н.М. Карамзина, но в работах которых содержатся ценные факты, наблюдения и сравнения, способные дополнить, а в чем-то и скорректировать выводы диссертанта. В 2016 г. к 250-летию Николая Михайловича ИНИОН РАН издал указатель литературы о Н.М. Карамзине, в котором собраны работы биографического характера, о его литературной деятельности, исторических трудах, общественно-политических и философских взглядах и др. В Ульяновске регулярно проходят конференции, посвященные Н.М. Карамзину и издаются «Карамзинские сборники». Л.А. Сапченко, составителю антологии «Карамзин: pro et contra» (2006), ставшей главной библио-историографической опорой диссертации Николая Сергеевича, принадлежат еще одна

антология «Н. М. Карамзин в зеркале мемуаристики» (2014), материалы к летописи жизни и творчества Н.М. Карамзина ««Петербургская пятидесятница»» (2020) и монография «Н.М. Карамзин: судьба наследия. (Век XIX)» (2003), отражающая содержание ее докторской диссертации того же года. Гуманитарная литература, конечно, уже давно перешагнула количественный порог, доступный индивидуальному восприятию, но какие-то издания странно не увидеть хотя бы в библиографическом списке в конце диссертации.

Вероятно, некритическим отношением к текстам, представленным в антологии, объясняются устаревшие характеристики, а порой и откровенные идеологические «штампы», встречающиеся в диссертации. В качестве примера приведу утверждение о славянофилах: «Славянофилы же не просто видели в этих национальных чертах отличие России от Европы, но абсолютизировали эти особенности, возводили их в ранг исключительности, свидетельствующей об избранности русского народа и особой миссии России» (с. 112). В этом месте диссертации речь идет о К.С. Аксакове, но не приводятся ссылки на его работы, которые бы позволили верифицировать высказывание. Ранние славянофилы все же воспринимали Россию как часть Европы, сохраняющую христианские основы европейской культуры, которыми стали пренебрегать на Западе. Достаточно посмотреть на состав «московского кружка», чтобы понять нелепость обвинений в претензиях на национальную исключительность. Даже у поздних славянофилов мудрено усмотреть националистическую программу, если не доверяться бездумно не всегда корректным полемическим выпадам против славянофилов их оппонентов, в том числе В.С. Соловьева. Несмотря на антагонистическое отношение к Европе, поздние славянофилы (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.И. Ламанский) ратовали за многообразие путей цивилизационного развития, а не за «избранничество» русского народа, как раз выступали против исключительности культуры какого-либо народа, полагая, что ни одна культура не является высшей точкой развития, что все народы, достигшие уровня исторической индивидуальности равноценны и несопоставимы и т.п. Одно из направлений славянофильской критики русского западничества как раз состояло в обвинении в национализме того же Н.М. Карамзина или, позднее, М.Н. Каткова. Приведу еще одно высказывание того же рода, т. е. своей идеологической ангажированностью недопустимое для историка философии: «Славянофилы не видели, что и в Европе каждый народ имеет свои особенности, свою самобытную культуру, свою неповторимую гражданскую жизнь» (с. 112). Напомню, что Ю.Ф. Самарин писал о различии романской и германской Европы, В.И. Ламанский указывал на то, что Европа состоит из шести частей, в историческом и культурном отношении противостоящих друг

другу и т.п. Западники, напротив, воспринимали Европу как целостный организм. П.Я. Чаадаев, например, писал в «Философических письмах» о «семейном сходстве» и единой «физиологии европейских народов» и т. п.

К устаревшим оценкам можно отнести и классификацию С.С. Шашкова как представителя народничества. Серафим Серафимович был одним из наиболее ярких публицистов областнического направления, которых печатали народнические издания, в частности, журнал «Дело». Однако обвинения сибирских областников в сепаратизме и их нелояльное отношение к советской власти в годы Гражданской войны на несколько десятилетий сделали невозможным объективное изучение их наследия. Советские исследователи, старавшиеся избежать огульной критики, были вынуждены переименовывать областников в народников, чтобы иметь возможность писать о сибирском областничестве. Областничество сближало с народничеством то, что это было демократическое и оппозиционное движение, но их программы довольно существенно различались. Должен заметить, что исследовательской новизной и оригинальностью отличались работы С.С. Шашкова по истории Сибири, подготовленные на основе архивных материалов, хотя и они были составлены с намеренно обличительных позиций. Его же публикации по истории западной философии и по истории русской общественной мысли представляют собой компиляции, написанные во время ссылки для заработка, поэтому не представляют собой серьезных исследований. Одним из источников компиляций С.С. Шашкова были работы А.Н. Пыпина, поэтому Серафима Серафимовича, даже несколько преувеличивая его познания и публицистический дар, нельзя признать достаточно компетентным специалистом по рассматриваемой эпохе, а его взгляды – репрезентативными.

В диссертации встречаются и досадные неточности, которые автор способен устранить при более внимательном отношении к фактам. Так, например, Д. Дидро прожил в России не несколько лет, как утверждается в диссертации, а всего пять месяцев. М.Т. Каченовский и «скептическая школа» в русской историографии стали хронологически первыми критиками «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, за что Михаил Трофимович даже удостоился нескольких едких эпиграмм со стороны А.С. Пушкина. Однако в диссертации он отнесен к «апологетам» Н.М. Карамзина (с. 22). А.С. Пушкин, имевший возможность читать статьи М.Т. Каченовского в полнотекстовом варианте, а не выдержки из антологии, прямо нарек московского профессора «зоилом» Н.М. Карамзина. Даже в комментариях антологии «Карамзин: pro et contra», которую цитирует Н.С. Чижков, М.Т. Каченовский классифицирован как критик Н.М. Карамзина.

